

ние 50 лет наблюдается значительный прогресс в этом плане. Основная задача состоит в развитии аналитически интересной модели, которая может быть эффективно использована в эмпирических исследованиях. Предложение М.Вебера относительно того, что можно рассматривать рынок как форму взаимодействия конкуренции и обмена, является одним из способов выполнения этой задачи. Пока еще проблема понимания рынков как особых социальных структур не имеет адекватных средств своего решения. Несомненно, изучение названной проблемы должно быть одним из наиболее важных вопросов в повестке дня как экономической теории, так и экономической социологии.

Перевод Г.Н.Соколовой

Таблица 2

Социальная структура современных капиталистических рынков (идеальные типы)		
Тип рынка	Конкуренция	Обмен
Рынок труда	Как правило, много продавцов (индивидов) против многочисленных и полновластных покупателей (организаций); конкуренция регулируется организациями работодателей, профсоюзами и законодательством; недостаток мобильности между продавцами часто делает конкуренцию локальной	Децентрализованный обмен (высокие издержки на поиск партнеров); малая сфера живого торга благодаря профсоюзам, организациям работодателей и нормам справедливости; проблемы измерения стоимости рабочей силы решаются посредством передачи связанных с этим прав организации как враждебной собственности
Рынок капиталов	Ограниченное число покупателей и продавцов, большинство из которых - организации; как частное, так и общественное регулирование; политика государственного вмешательства; конкуренция национальная и интернациональная по своему масштабу	Централизованный обмен в форме системы взаимных расчетов между банками (низкие издержки на поиск партнеров); существуют механизмы поддержки обмена, но только на государственном уровне; права собственности полностью передаются новым владельцам
Рынок потребительских товаров	Как правило, мало продавцов (организаций) и много покупателей (индивидов), которые не организованы; определенная общественная регуляция, но в остальном - свободная конкуренция	Фиксированные цены, а не живой торг; децентрализованные, но фиксированные места обмена (магазины, места для гулянья и т.п.) означают низкие издержки на поиск партнеров; права собственности полностью передаются новым владельцам
Промышленный рынок	Как правило, мало покупателей и продавцов, причем все они являются организациями; на этом типе рынка часто встречаются сети покупателей и продавцов	Обмен часто принимает форму переговоров и является полностью децентрализованным; права собственности полностью передаются покупателям, но обязательства продавцов (в виде гарантий качества) могут сохраниться; зачастую высокие издержки на поиск партнеров

Р.Г.ТОНИ

СТЯЖАТЕЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО (избранные главы)*

Глава 4. Немезис индустриализма

Такое счастье не так уж и далеко от осуществления. Однако в ходе его достижения мир столкнулся с группой неожиданных последствий, ставших причиной его *болезни*, подобно тому как обструкция свободы экономических возможностей стала причиной социальной *болезни* в XVIII веке. И эти последствия не являются, как часто предполагают, случайными дефектами в адаптации, а вытекают естественным образом из господствующего в этом мире принципа; так что, в некотором смысле, причиной того, что он зашел в тупик, является не его неудача, а специфика его успеха, и сам его свет есть своего рода темнота.

Воля к экономическому могуществу, если она достаточно непоколебима, приносит богатство. Но, будучи такой непоколебимой, она разрушительна для моральных ограничений, которые должны регулировать погоню за богатством, и, следовательно, делает погоню за богатством бессмысленной. Ведь тем, что придает смысл экономической, как и любой другой, деятельности, является, как мы уже говорили, цель, к которой она направлена. Но вера, на которой покоится наша экономическая цивилизация, вера в то, что богатство — не средство, а цель, предполагает, что любая экономическая деятельность одинаково достойна уважения независимо от того, подчинена она социальной цели или нет. Следовательно, она отрывает выгоду от услуги и оправдывает вознаграждения, которые либо не сопровождаются выполнением функции, либо совершенно ей несоразмерны. Благосостояние в современных обществах распределяется соответственно возможностям; и хотя возможности отчасти зависят от таланта и энергии, еще больше они зависят от рождения, социального положения,

* Продолжение. Начало: Т. III. Вып. 4 (10). Перевод выполнен по изданию: Tawney R.H. The Acquisitive Society. L.: G. Bell and Sons, 1923.

доступа к образованию и размера наследства — одним словом, от собственности. Ведь талант и энергия могут создать возможность, а собственности достаточно лишь ждать, пока она подвернется сама. Спящий партнер получает часть дивидендов, зарабатываемых фирмой; наследник по завещанию всегда требует своей доли в состоянии.

Из того, что вознаграждения отделяются от услуг и, следовательно, больше всего ценится не богатство, полученное в обмен на труд, а богатство, экономическое происхождение которого, ввиду его омерзительности, тщательно скрывают, вытекает два результата. Первый — это создание класса людей, живущих на пансионе у промышленности, которые взимают дань с ее продукта, не внося ни малейшего вклада в его увеличение, и которых не просто терпят, а которым аплодируют, которыми восхищаются, которых с усердной заботой оберегают, как будто в них поселилась тайна процветания. Ими восхищаются, потому что в отсутствие всякого принципа отграничения доходов, являющихся платой за функции, от доходов, которые таковой не являются, все доходы в силу одного только, что они представляют богатство, ставятся на один уровень и оцениваются единственно по их величине, отчего во всех обществах, принявших индустриализм, формируется верхний слой, претендующий на наслаждение социальной жизнью, но при этом отвергающий накладываемые ею обязательства. Рантье и его манеры — о, как известны они были в Англии до войны! Привилегированная закрытая школа, потом клубная жизнь в Оксфорде и Кембридже, затем еще один клуб в провинциальном городе; Лондон в июне, когда Лондон приятен, выезд на природу в августе, в октябре фазаны, в декабре Канны, в феврале и марте охота; и целый мир поднимающей голову буржуазии, энергично всему этому подражающей, прилежно сверяющей свои дорогие часы с этим нелепым календарем!

Второе последствие — это принижение тех, кто трудится, но не получает за свой труд больших вознаграждений; а ведь это подавляющее большинство человечества. И это принижение неизбежно вытекает из отказа людей отдать цели промышленности первое место в своих думах о ней. Когда они отдают ей приоритет и их умы настраиваются на тот факт, что смысл промышленности — служение человеку, все, кто трудится, оказываются для них благородными, так как все, кто трудится, служат, и различие, отделяющее тех, кто служит, от тех, кто просто тратит, становится настолько решающим и фундаментальным, что стирает все мелкие различия, основанные на разнице доходов. Но

как только критерий функции забывается, единственным критерием остается богатство, и Стяжательское Общество ревностно почитает обладание богатством, тогда как Функциональное Общество окружило бы почетом созидательные искусства, пусть даже в лице самого скромного и трудолюбивого ремесленника.

Таким образом, богатство становится основанием общественной оценки, и массы людей, которые трудятся, но не приобретают богатство, объявляются вульгарными, незначительными и недостойными по сравнению с немногими, которые приобретают богатство за счет счастливой случайности или умелого использования экономических возможностей. Они начинают рассматриваться не как цели, ради которых только и стоит производить богатство вообще, а как орудия его приобретения миром, опускающимся до того, что его, видите ли, пачкает контакт с тем, что он расценивает как глупое и отвратительное занятие трудом. Они несчастны, ибо наградой для всех, кроме самых посредственных, являются не только деньги, но и уважение их сограждан, а они знают, что их не ценят так, как, например, солдат, хотя именно потому, что они отдают свою жизнь созиданию цивилизации, существует цивилизация, заслуживающая того, чтобы солдаты ее защищали. Их не ценят, потому что восхищение общества направлено на тех, кто получает, а не на тех, кто отдает; а рабочие, хотя отдают много, получают мало. Несчастны и рантье, которым они служат опорой; ибо, отбросив идею функции, ставящую предел стяжанию богатства, они отбросили единственный принцип, придающий богатству его смысл. Поэтому если им не удастся убедить себя в том, что быть богатым — само по себе достоинство, они могут купаться в восхищении общества, но при этом не способны уважать себя сами. Ведь они упразднили сам принцип, делающий деятельность значимой и, следовательно, достойной уважения. И они, в действительности, даже больше заслуживают жалости, чем некоторые из тех, кто им завидует. Ибо, совсем как душам в Аду, наказанием им служит само осуществление их желаний.

Общество, управляемое этими понятиями, с необходимостью становится жертвой иррационального неравенства. Чтобы избежать такого неравенства, необходимо признать, что существует определенный принцип, который должен ограничивать выгоды отдельных классов и отдельных индивидов, потому что выгоды, извлекаемые из некоторых источников или превышающие некоторые размеры, незаконны. Но такое ограничение предполагает некоторый стандарт различие-

ния, противоречащий допущению, что каждый человек имеет право на все, что он может заполучить, независимо от предоставления для этого какой-нибудь услуги. Таким образом, привилегия, которая должна была быть изгнана евангелием 1789 года, возвращается в новом обличье — уже не как творение неравных юридических прав, мешавших естественному пользованию равными способностями руки и мозга, а как творение неравных шансов, вытекающих из осуществления равных прав в мире, где собственность, наследуемое богатство и аппарат классовых институтов сделали возможности неравными.

Неравенство приводит, опять же, к перекосам в производстве. Ведь поскольку спрос с одного дохода величиной в 50000 фунтов является таким же могущественным магнитом, как и спрос с 500 доходов размером по 100 фунтов, то это переводит энергию с создания богатства на преумножение роскоши, так что, например, в то время как одна десятая часть населения Англии живет в кошмарной тесноте, значительная часть среди них занята не исправлением этого недостатка, а созданием отелей для состоятельных людей, роскошных яхт и автомобилей вроде того, каким пользовался военный министр, «с салоном из красного дерева, инкрустированным изнутри серебром и обитым бежевой замшей и сафьяном», который был куплен потом пригородным капиталистом — в виде поощрения полезных отраслей промышленности и дабы попрекнуть публичную экстравагантность примером частной экономики — за пустяковую сумму в 3550 гиней.

Таким образом, часть тех ежегодно производимых благ, которые зовутся богатством, является, строго говоря, пустой тратой, потому что ее образуют изделия, которые, хотя их и учитывают как часть национального дохода, либо не должны были производиться до тех пор, пока не были произведены в достаточном количестве другие изделия, либо не должны были производиться вообще. А какая-то часть населения занята производством вещей, которые ни один человек не может производить с ощущением счастья или даже без потери самоуважения, потому что знает, что лучше бы их было вообще не производить, тогда как жизнь его тратится понапрасну на их изготовление. Каждый сознает, что армейский подрядчик, снаряжавший во время войны сотни землекопов, чтобы они вырыли искусственное озеро на его землях, не прибавлял богатство нации, а вычитал из него. Однако в мирное время сотни тысяч рабочих, хотя и не роют пруды, выполняют работу, являющуюся в такой же степени глупой и расточительной, притом что

в мирное время, как и во время войны, есть важная работа, ждущая, когда ее сделают, которой, однако, пренебрегают.

Ею пренебрегают, потому что в то время как реальные запросы массы людей чрезвычайно скромны, есть небольшой класс, который носит одежду за нескольких человек, обедает за нескольких человек, занимает дома нескольких семей и проживает жизнь нескольких людей. До тех пор, пока меньшинство имеет настолько большой доход, что часть его, если вообще тратится, должна тратиться на тривиальные безделушки, до тех пор часть человеческой энергии и механического оснащения нации будет отвлекаться от серьезной работы, которая ее обогащает, на изготовление тривиальных безделушек, которое ее обедняет, ибо они могут изготавливаться только ценой неизготовления чего-то другого. И если пэры и миллионеры, проповедующие в настоящее время долг производства перед шахтерами и докерами, желают, чтобы выпускалось больше богатства, а не больше расточительности, то простейшим способом, с помощью которого они могут достичь этой цели, будет передача обществу всего их годового дохода сверх (скажем) 1000 фунтов стерлингов, дабы его можно было потратить на обеспечение работой не садовников, шоферов, домашней прислуги или лавочников в лондонском Уэст-Энде, а строителей, механиков и учителей.

Поэтому тем, кто требует во весь голос, как это многие сегодня делают: «Производить! Производить!» — можно адресовать один простой вопрос: «Производить что?» Еду, одежду, жилье, искусство, знание? Во что бы то ни стало! Но если нация снабжена этими вещами недостаточно, то не лучше ли было бы прекратить производство массы других вещей, наполняющих витрины магазинов на Регент-стрит? Если она желает переоснастить свою индустрию машинным оборудованием, а железные дороги вагонами, то не лучше ли было бы воздержаться от проведения выставок, предназначенных для побуждения богатых людей к переоснащению себя автомобилями? Может ли что-нибудь превзойти в ребячливой наивности заявление о необходимости наращивания производственной мощи, если часть существующей производственной мощи неправильно используется? Разве не является *снижение* производства всяческих безделушек настолько же важным, как и *увеличение* производства предметов первой необходимости, и, более того, его условием? Разве не был бы лозунг «Тратьте меньше на частную роскошь» столь же благоразумным, как и крик «Боль-

ше производить»? Между тем, этот результат неравенства является, опять-таки, явлением, которое не может быть ни предотвращено, ни поставлено под контроль, ни даже осознано обществом, исключаящим идею цели из своих социальных упорядочений и промышленной деятельности. Ибо осознать это — значит признать, что есть некий принцип, стоящий над механической игрой экономических сил, который должен определять относительную значимость разных родов занятий и тем самым отбросить воззрение, что богатство, из чего бы оно ни складывалось, является целью, а любая экономическая деятельность одинаково оправданна.

Отвержение идеи цели предполагает еще одно последствие, о котором каждый сокрушается, но которое никто не может предотвратить, кроме как ценой отказа от веры в то, что свободное осуществление прав является главным интересом общества, а исполнение обязательств — вторичным и случайным последствием, которое может быть оставлено на собственное попечение. Это последствие заключается в том, что общественная жизнь превращается в сцену жестоких антагонизмов, а значительная часть промышленности развивается с судорожной периодичностью подспудной социальной войны. Идея, что мир в промышленности можно обеспечить простым соблюдением такта и выдержки, основана на идее, что между разными вовлеченными в нее группами имеется фундаментальное тождество интересов, которое время от времени прерывается достойными сожаления недоразумениями. И первая, и вторая идея иллюзорны. Споры, имеющие значение, вызываются не непониманием тождества интересов, а лучшим пониманием расхождения интересов. Хотя война редко объявляется официально, условия, приводящие к таким объявлениям, держатся постоянно; и постоянными их делает то самое представление о промышленности, которое делает постоянными неравенство и бесфункциональные доходы, иначе говоря, отрицание того, что промышленность имеет какую-либо иную цель или задачу, кроме удовлетворения тех, кто ею занимается.

Этот мотив порождает индустриальную войну не как какой-то досадный инцидент, а как неизбежный результат. Он порождает индустриальную войну, поскольку учит, что каждый индивид или группа имеют право на все, что они могут заполучить, и отрицает, что есть какой-либо принцип, кроме механизма рынка, определяющий, что они должны получать. Ведь из того, что наличный для распределения доход ог-

раничен, и, следовательно, при выходе за некоторые пределы то, что одна группа выигрывает, другая неминуемо должна потерять, с очевидностью вытекает, что если соотносительные доходы разных групп не определяются их функциями, не остается иного метода их определения, кроме взаимного самоутверждения. Личный интерес на самом деле может заставлять их воздерживаться от применения всей своей силы для проведения в жизнь своих требований, и если это происходит, в промышленности обеспечивается мир подобно тому, как люди пытались его обеспечить с помощью баланса сил в международных делах. Но сохранение такого мира зависит от такой его оценки вовлеченными сторонами, при которой они считают, что больше потеряют, чем выиграют от открытой борьбы, а не является результатом принятия ими того или иного стандарта вознаграждения в качестве справедливого удовлетворения их притязаний. Поэтому он ненадежен, неискренен и недолговечен. Он лишен окончательности, потому что в простом прибавлении надбавок к доходу вообще не может быть окончательности, так же как и в удовлетворении любого другого желания материальных благ. Когда требования удовлетворяются, старая борьба возобновляется на новом уровне, и она всегда будет возобновляться до тех пор, пока люди стремятся покончить с ней простым увеличением вознаграждения, а не нахождением такого принципа, на котором всякое вознаграждение, будь то большое или маленькое, должно базироваться.

Такой принцип предлагается идеей функции, так как ее применение устранило бы излишки, являющиеся предметом спора, и сделало бы очевидным, что вознаграждение базируется на полезной услуге, а не на счастливом шансе, привилегии или власти, позволяющих пользоваться возможностями для навязывания невыгодных сделок. Но идея функции несовместима с доктриной, что каждое лицо или организация имеют неограниченное право использовать свои экономические возможности так полно, как они того пожелают, которая является рабочей верой современной промышленности; а поскольку эта идея не принимается, люди либо стремятся решить проблему силой, либо предлагают, чтобы государство заменило силу частных объединений применением своей силы, как будто бы отсутствие принципа можно было компенсировать новой разновидностью машинерии. Между тем, подлинная причина индустриальной войны всегда так же проста, как и подлинная причина войны международной. И заключается она в том,

что если люди не признают никакого закона, стоящего над их желаниями, они неизбежно должны вступать в борьбу, когда их желания сталкиваются; ведь хотя группы или нации, находящиеся в разногласиях друг с другом, могут быть готовы подчиниться возвышающемуся над ними принципу, нет никаких причин, по которым они были бы должны подчиниться друг другу.

Поэтому популярная в кругу богатых идея, что индустриальные споры исчезнут, как только производство богатства будет удвоено и каждый станет жить вдвое лучше, не только опровергается всем практическим опытом, но и по самой своей природе строится на иллюзии. Ибо вопрос один, и это не вопрос сумм, а вопрос пропорций. Люди будут бороться за то, чтобы им платили 30 фунтов в неделю вместо 20, с такой же готовностью, с какой будут бороться за то, чтобы им платили 5 фунтов вместо 4, пока нет никаких оснований для того, чтобы им платили 20 фунтов, а не 30, и пока другим, которые не работают, вообще что-то платят. Если бы шахтеры потребовали увеличения своих зарплат в условиях, когда все излишние налоги на добычу угля были бы отменены, был бы принцип, в соответствии с которым следовало удовлетворять их требования, принцип, заключающийся в том, что одна группа рабочих не должна посягать на средства к существованию других групп. Но пока владельцы месторождений получают за пользование ими арендную плату (а особенно производительные шахты платят отсутствующим акционерам до 30 процентов), обоснованного ответа на требование повысить заработную плату нет и не будет. Ведь если сообщество платит тем, кто вообще не работает, то оно может себе позволить платить больше тем, кто работает. Наивная жалоба, что рабочие никогда не бывают довольны, стало быть, строго говоря, истинна. Это касается не только рабочих, но и всех классов в обществе, ведущем свои дела исходя из принципа, что богатство вместо того, чтобы соизмеряться с функцией, отдается в руки тех, кто может его захватить. Они всегда недовольны, да и вообще не могут быть довольными. Ведь до тех пор, пока они делают этот принцип руководящим ориентиром своей индивидуальной жизни и своего социального порядка, ничто, кроме отсутствия пределов, не может принести им удовлетворение.

Таким образом, и здесь преобладающий упор на права и преобладающее пренебрежение функциями, опять-таки, вовлекают людей в порочный круг, из которого они не могут выбраться, не избавившись

от фальшивой философии, которая над ними довлеет. Но этим дело не ограничивается. Они делают так, что сама эта философия становится правдоподобной и бодрящей и возводится в ранг закона не только для промышленности, в недрах которой она зародилась, но также для политики, культуры, религии и всего круга общественной жизни. Возможность такого преувеличения одной из сторон человеческой жизни, когда она затмевает и со временем атрофирует все другие, знакома англичанам на примере «пруссского милитаризма». Милитаризм — характеристика не армии, а общества. Сущность его составляет не какое-то отдельное качество или размах военных приготовлений, а состояние ума, который, сосредоточившись на одном отдельном элементе социальной жизни, приходит в конце концов к такому его превознесению, что тот становится судьей надо всем остальным. Цель, ради которой существуют вооруженные силы, забывается. Они начинают мыслиться как существующие по собственному праву и не нуждающиеся ни в каком оправдании. Вместо того, чтобы рассматриваться как инструмент, необходимый в несовершенном мире, они возводятся в ранг объектов суеверного поклонения, словно мир без них стал бы унылым и скучным, а политические институты, социальные установления, интеллект, нравственность и религия втискиваются в форму, приспособленную к одной деятельности, которая в здоровом обществе является второстепенной — как то полицейский надзор, содержание тюрем или чистка клоак, — но в милитаристском государстве является неким мистическим олицетворением самого общества.

Милитаризм, как англичане довольно ясно видят, — это фетишизм. Это опустошение человеческих душ и разрывание человеческих тел ради улаживания идола. Чего они не понимают, так это что их преклонение перед экономической деятельностью, индустрией и тем, что называется бизнесом, точно такой же фетишизм и что в своем поклонении этому идолу они подвергают себя таким же ненужным пыткам и опускаются до такого же бессмысленного кривлянья, как и пруссы в их культе милитаризма. Ибо то, что военная традиция и дух войны сделали для Пруссии, сотворив там милитаризм, коммерческая традиция и дух торговли сделали для Англии, сотворив здесь индустриализм. Индустриализм является необходимой характеристикой экономически развитого общества не более, чем милитаризм — необходимой характеристикой нации, содержащей вооруженные силы. Он является результатом применения науки в индустрии не более, чем ми-

литаризм — результатом применения науки в войне, и сама идея, что он есть нечто неизбежное в сообществе, использующем уголь, железо и машинную технику (крайне далекая от истины), есть продукт перверсии разума, рождаемой индустриализмом. Люди могут использовать любые механические орудия, какие захотят, и нисколько от этого не страдать. Что убивает их души, так это то, что они позволяют своим орудиям использовать себя. Короче говоря, суть индустриализма составляет не какой-то особый метод промышленности, а особая оценка ее важности, приводящая к тому, что ее начинают почитать как единственную вещь, вообще имеющую значение, и тем самым превозносят с подчиненного места, которое она должна занимать среди людских интересов и видов деятельности, на уровень стандарта, по которому все другие интересы и виды деятельности следует судить.

Когда министр кабинета заявляет, что величие нашей страны зависит от объема ее экспорта, ввиду чего Франция, экспортирующая сравнительно мало, и елизаветинская Англия, почти ничего не экспортировавшая, предположительно достойны сожаления как безусловно низшие цивилизации, — это Индустриализм. Это смешение одного небольшого сектора жизни со всей жизнью в целом. Когда промышленники вопят и полосуют себя ножами, поскольку поступило предложение, чтобы четырнадцатилетние мальчики и девочки посещали школу по 8 часов в неделю, а министр просвещения настолько глубоко впечатлен их опасениями, что немедленно разрешает сократить число учебных часов до семи, а потом и вовсе приостанавливает эту систему, — это Индустриализм. Это культ фетиша. Когда правительство добывает деньги на войну, обходящуюся в 7 млн. фунтов в день, за счет закрытия музеев, обходящихся в 20 тыс. фунтов в год, — это Индустриализм. Это презрение ко всем интересам, не вносящим явного вклада в экономическую деятельность. Когда пресса громко кричит на всю округу, что единственное, что нужно для превращения нашего острова в благословенную Аркадию: производительность, больше производительности и еще больше производительности, — это тоже Индустриализм. Это смешение средств с целями.

Люди всегда будут путать средства с целями, если у них нет ясного понимания того, что именно цели, а не средства имеют значение, — если они позволяют своим умам отвернуться от того факта, что именно социальная цель промышленности придает ей смысл и делает ее заслуживающей того, чтобы ею вообще занимались. И когда они это делают,

они переворачивают весь свой мир с ног на голову, потому что не видят осей, на которых он должен вертеться. А потому, когда они, как Англия, насквозь индустриализованы, они ведут себя как Пруссия, которая насквозь милитаризована. Они говорят так, словно человек существует для промышленности, а не промышленность для человека, подобно тому, как в Пруссии иногда говорили, что человек существует для войны. Они отвергают любую деятельность, не окрашенную их главным интересом, так как она кажется враждебной ему. Поэтому они разрушают религию, искусство и мораль, которые не могут существовать без беспристрастности; и, разрушая их, которые суть цель, ради индустрии, которая есть средство, они превращают саму свою индустрию в то же, во что и свои города: в пустыню неестественной сумрачной скуки, которую только забывчивость может сделать терпимой и которую только лихорадочное возбуждение может позволить забыть.

Раздираемое подозрениями и взаимными обвинениями, жадное к власти и забывающее об обязанностях, желающее мира, но не способное «искать мир и стремиться к нему» из-за отсутствия готовности отказаться от кредо, служащего причиной войны, — с чем еще можно сравнить такое общество, кроме как с международным миром, который тоже был назван обществом, но который тоже социален разве что по названию? И это сравнение не просто игра словами. Это аналогия, имеющая корни в фактах истории. Не случайно последние два века, увидевшие рост новой промышленной системы, увидели и развитие системы международной политики, достигшее своего пика в период с 1870 по 1914 г. И та, и другая являются выражением одного духа и движутся, подчиняясь общим законам. Суть первой составляло отречение от любой власти, стоящей над индивидуальным разумом. Она оставила людям свободу руководствоваться их собственными интересами, устремлениями и аппетитами, не ограничивая себя подчинением общему центру приверженности. Сутью второй было отречение от любой власти, стоящей над суверенным государством; последнее опять-таки понималось как компактная самодостаточная единица, которая бы утратила саму свою сущность, если бы потеряла независимость от других государств. Как одна система освободила экономическую деятельность от смеси отживших традиций, так вторая освободила нации от произвольного подчинения чуждым расам и правительствам и превратила их в национальности, обладающие правом самостоятельно вершить свою судьбу.

Национализм в отношениях между нациями на самом деле аналогичен индивидуализму внутри них. Он имеет похожие истоки и тенденции, похожие триумфы и недостатки. Ибо национализм, как и индивидуализм, акцентирует права отдельных единиц, а не подчинение их общим обязательствам, только единицами в этом случае являются не индивиды, а расы или нации. Как и индивидуализм, он взывает к инстинктам самоутверждения, которым обещает возможность неограниченной экспансии. Как и индивидуализм, это сила, обладающая необычайной взрывной энергией, чьи справедливые притязания должны быть удовлетворены раньше, чем появится возможность пробудить альтернативный принцип для контроля над ее действием. Ибо наднациональную власть раздраженным, недовольным или угнетенным национальностям навязать так же невозможно, как нельзя подчинить экономические мотивы контролю общества, пока общество не признает, что есть некая сфера, которую они могут законным образом занимать.

И так же, как национализм, доведенный до его логического завершения, индивидуализм саморазрушителен. Ибо как национализм в годы своей юности начинается с требования, чтобы нации (поскольку они духовные существа) сами определяли свою судьбу, и слишком часто перерастает в требование, чтобы они властвовали над другими, так и индивидуализм начинается с утверждения права людей строить свою жизнь так, как они могут, и заканчивается оправданием подчинения большинства людей немногим избранным, которым везение, особая возможность или привилегия позволили успешнее всего воспользоваться их правами. Они выросли вместе. Если они когда-нибудь увянут, то, вероятно, и увянут вместе. Ведь жизнь не может быть рассечена на отделы. В конечном итоге, мир пожинает в войне то, что посеял в мирное время. И ожидать, что вражда между народами может быть изгнана, пока индустриальный порядок внутри каждой нации остается таким, что дарует успех тем, все существование которых представляет собой борьбу за превознесение себя над другими, — это мечта, не заслуживающая даже того, чтобы быть красивой.

Итак, перверсией национализма становится империализм, а перверсией индивидуализма — индустриализм. И эта перверсия приходит не через какой-то изъян или порок в человеческой природе, а под влиянием идеи, ведь здесь дефективен сам принцип, и его дефекты обнаруживаются так же явно, как и его могущество. Ибо он утвержда-

ет, что права наций и индивидов абсолютны (это ложно), вместо того чтобы гласить, что они абсолютны только в их собственной сфере, а сама их сфера определяется ролью, которую они играют в сообществе наций и индивидов (это истинно). Тем самым он направляет их по узкому пути беспредельной экспансии, на котором они проглатывают континенты и океаны, закон, мораль и религию, а в конце концов и свои собственные души в попытке достичь бесконечности путем прибавления самих себя ко всему конечному. Тем временем их соперники, их подчиненные, да и они сами сознают опасность противостояния сил и стремятся приобрести безопасность и избежать прямого столкновения посредством организации равновесия сил. Но это равновесие, будь то в международной политике или в промышленности, неустойчиво, так как опирается не на общее признание принципа, ограничивающего притязания наций и индивидов, а на попытку найти такие противовесы, которые позволяли бы избежать конфликта без отречения от неограниченных притязаний. Никаких таких противовесов найти нельзя, потому что в мире, где ничто не ограничивает возможности наращивания военной или промышленной мощи, просто не может существовать таких противовесов.

Итак, пока люди движутся в этой плоскости, нет никакого решения. Они могут обрести мир, только отказавшись от притязания на беспрепятственное осуществление своих прав, которое является причиной войны. Короче говоря, в последние семь лет как в международных делах, так и в промышленности мы были свидетелями краха организации общества на основе прав, оторванных от обязанностей. Рано или поздно коллапс был неизбежен, потому что базис этот был слишком узким. Ибо право — всего лишь власть, охраняемая правовыми санкциями, или, как определяют его правоведы, «заклученная в одном человеке способность контролировать при помощи государства действие других». Право не должно быть абсолютным. Несомненно, лучше, чтобы абсолютными правами обладали индивиды, а не государство или правительство; и именно протест против злоупотреблений абсолютной властью со стороны государства привел в XVIII веке к провозглашению абсолютных прав индивидов. Самой очевидной защитой от утверждения одной крайности было утверждение другой. Поскольку правительства и остатки феодализма посягали на собственность индивидов, было объявлено, что право собственности абсолютно; поскольку они душили предпринимательство, было объявле-

но, что каждый человек имеет естественное право вести свои дела так, как ему нравится.

Но в действительности ложно как одно утверждение, так и другое, и если применять их на практике, они неизбежно приводят к катастрофе. Государство не имеет абсолютных прав; они ограничиваются его полномочиями. Индивид не имеет абсолютных прав; они соотносятся с функцией, которую он выполняет в сообществе, членом которого является, потому что если их таким образом не ограничивать, результатом неизбежно становится что-то вроде частной войны. Короче говоря, все права зависимы и производны, потому что любая власть должна быть зависимой и производной. Они производны от цели (или задачи) общества, в котором они существуют. Они зависят от использования их для достижения этой цели, а не для препятствования ей. И на практике это означает, что для того, чтобы общество было здоровым, люди должны рассматривать себя прежде всего не как обладателей прав, а как лиц, которым доверено выполнение функций, и как инструменты осуществления социальной цели.

Глава 6. Функциональное общество

Применение принципа функции к собственности и промышленности совместимо с несколькими разными типами социальной организации, и очень маловероятно, чтобы оно, как и более важные откровения, было секретом тех, кто кричит: «Смотрите-ка сюда!» и «Смотрите-ка туда!» В конечном счете, оно означает, что общество должно быть организовано в первую очередь для выполнения *обязанностей*, а не для сохранения *прав*, и что правами, которые оно защищает, должны быть права, необходимые для исполнения социальных обязательств. Но обязанности, в отличие от прав, соотносятся с какой-то целью или задачей, ради которой они накладываются. Последние служат принципом разделения; они позволяют людям сопротивляться. Первые служат принципом союза; они приводят людей к сотрудничеству. Существенно важно, стало быть, что люди должны сосредоточить свои сознания на идее цели и отдать этой идее приоритет над всеми второстепенными вопросами.

Если цель промышленности — а это очевидно — состоит в обеспечении материального фундамента достойной социальной жизни, то любая мера, делающая это обеспечение более эффективным, благоразумна, пока не входит в конфликт с какой-нибудь еще более важ-

ной целью, а любой институт, который препятствует или мешает достижению этой цели, глуп. Так, например, глупо поддерживать права собственности, за которыми не стоит выполнение никаких услуг, ибо оплата без услуги есть расточительство; а если статистики правы, утверждая, что даже при равном разделе дохода доход на одну голову был бы невелик, то это тем более глупо. Среди моряков в лодке нет места пассажирам первого класса, и чем меньше совокупный национальный доход, тем важнее, чтобы никакая его часть не расходовалась впустую. Глупо оставлять управление промышленностью в руках слуг владельцев частной собственности, которые сами ничего в ней не понимают, кроме бухгалтерских балансов, ибо это значит переключить промышленность с выполнения услуги на приобретение выгоды и подчинить тех, кто делает созидательную работу, тем, кто ее не делает.

Но, прежде всего, глупо калечить образование, как его калечат в Англии ради промышленности; ибо одна из польз промышленности состоит в том, что она предоставляет богатство, которое может создать возможности для лучшего образования. Если бы общество, стремящееся удерживать средства и цели на подобающих им местах, обеспечило хотя бы вложение в школьное образование такой части богатства, какая тратится сегодня на производство безделушек, то оно бы сделало больше для потомства — и, в строго экономическом смысле, «сберегло» бы больше «капитала», — чем самое бережливое из сообществ, когда-либо живших с оглядкой на Фондовую биржу. Тому, кто беспристрастно осмысляет недавний опыт человечества, оказывается почти невыносимо думать о том, что до сих пор, за исключением небольшого круга удачливых семей, каждое поколение, как только начинали расцветать его дарования, сбрасывалось как сырье в экономическую мельницу, дабы быть истолченным, перемолотым и растертым в податливую человеческую массу, из которой, как предполагается, лепятся национальное процветание и могущество, все царства мира и их слава. В Англии нашему взору ежегодно предстает новая раса численностью около 900 тысяч душ; и если вместо омоложения мира они мелют зерно филистерам и выделяют шерсть владельцам фабрик, то ответственность за это лежит на нас, в чьи руки щедрость природы льет саму жизнь, но которые позволяют ей бесцельно течь сквозь пальцы, жадно вцепившиеся в материальное богатство.

Мудрый курс действий в делах промышленности, в конечном счете, такой же, как и в любой другой части организованной жизни. Он

состоит в том, чтобы принять во внимание цель, ради которой осуществляется экономическая деятельность, и затем адаптировать к ней экономическую организацию. Он в том, чтобы платить за услугу и только за услугу, а когда нанимается капитал, тщательно следить за тем, чтобы капитал нанимался по максимально низкой цене. Он в том, чтобы ответственность за организацию промышленности была возложена на плечи тех, кто работает и потребляет, а не тех, кто владеет, ибо производство есть дело производителя, а лучшим кандидатом для контроля за тем, как он со своим делом справляется, является потребитель, ради которого (а отнюдь не ради владельца собственности) это дело должно осуществляться. И, прежде всего, мудрый курс состоит в настойчивом требовании того, чтобы вся промышленная деятельность осуществлялась в обстановке полной публичности в вопросах цен и прибылей, ибо публичность должна служить противовесом от экономических и политических злоупотреблений, и ни один человек не может быть уверен в своем соседе, если оба не работают в обстановке прозрачности.

Что касается собственности, то такая политика была бы обоюдоострой. С одной стороны, она была бы нацелена на упразднение тех форм собственности, в которых владение оторвано от обязательств. С другой стороны, она тяготела бы к поощрению тех форм экономической организации, при которых рабочий, является он собственником или нет, свободен осуществлять свою работу без того, чтобы делиться контролем над нею или получаемыми от нее прибылями с простым рантье. Таким образом, если в некоторых сферах она предполагала бы расширение общественной собственности, то в других она способствовала бы расширению собственности частной. Ибо разъедающее воздействие на принцип промышленности оказывает не сама по себе частная собственность, а частная собственность, отделенная от труда; и идея некоторых социалистов, будто частная собственность на землю или капитал непременно вредна, является образчиком схоластического педантизма, столь же абсурдного, как и педантизм консерваторов, которые, дай им волю, наделили бы всю собственность некой непостижимой святостью. Все зависит от того, какого рода эта собственность и для каких целей она используется. Государство может удерживать свои преобладающие позиции и контролировать отчуждение, как оно делает в случае законодательства о гомстедах для доминионов, имея достаточно строгости для того, чтобы не допускать созда-

ния класса не выполняющих никаких функций владельцев собственности. В этом случае нет никакого противоречия между одновременным поощрением увеличения числа фермеров и мелких хозяев, владеющих собственными фермами или мастерскими, и отменой частной собственности в тех отраслях промышленности, сегодня, к сожалению, самых показательных, в которых частным собственником является живущий вдали от предприятия акционер.

На самом деле, вторая реформа должна помочь первой. В той мере, в какой общество терпит отделенную от функций собственность, оно делает трудным, если не невозможным, возрождение мелкого хозяина в сельском хозяйстве или промышленности, который не может как следует распоряжаться своим имуществом в мире, где правят большие состояния и капиталистические финансы. В той мере, в какой оно упраздняет те виды собственности, которые являются сугубо паразитическими, оно благоприятствует возрождению мелких собственников в тех видах промышленности, для которых подходит мелкое владение. Социалистическая политика в этом отношении не антагонистична «распределительному государству», а в современных экономических условиях является его необходимой предпосылкой; и если под «собственностью» иметь в виду личные владения, которые подразумевает это слово для девяти десятых населения, то цель социалистов — не подорвать собственность, а защитить ее и приумножить.

Граница между крупным и мелким производством всегда будет неявной и подвижной, зависящей, как и сейчас, от технических условий, предусмотреть которые невозможно; например, удешевление электрической энергии могло бы привести к децентрализации промышленных производств, как раньше пар привел к их концентрации. Основная разница, однако, существует не между разными размерами владения, а между владением разных видов, не между крупным и мелким фермером или хозяином, а между собственностью, которая используется для труда, и собственностью, которая приносит доход без него. Ирландский лендлорд был упразднен не потому, что он владел огромной собственностью, а потому что был собственником и больше ничем; если и когда английское землевладение станет таким же ослабленным, каким оно уже стало в городах, оно будет заслуживать той же участи. Как только оказывается решенной проблема характера собственности, вопрос о размере экономической единицы можно оставить, дабы он решил сам собой.

Следовательно, первым шагом к организации экономической жизни на началах выполнения функции должно стать упразднение тех типов частной собственности, в обмен на которые не выполняется никакая функция. Человек, живущий за счет владения и при этом не работающий, неизбежно живет за счет трудолюбия кого-то другого и, следовательно, является слишком дорогим удовольствием, чтобы ему потворствовать. Хотя он заслуживает, чтобы к нему отнеслись со снисходительностью, которая должна выказываться, но обычно не выказывается в отношении тех, кого воспитывали с детства для любого иного постыдного занятия, снисходительность к индивидам нельзя распространять на институт, жертвами которого стали они и их ближние. Если судить по этому стандарту, некоторые виды собственности очевидно антиобщественны. Права, в силу которых владелец земли уполномочен брать налог, именуемый платой за право разработки недр (royalty), с каждой тонны угля, извлекаемой шахтером на поверхность, взимать другой налог, называемый оплатой транзита по чужим выработкам (way-leave), с каждой тонны угля, перевозимой под поверхностью его земли, хотя ее красота и ценность никак не могут от этого пострадать, деформировать по собственному желанию развитие целого района, отказывая в доступе к полезным ископаемым на любых условиях, кроме собственных, и приводит к тому, что от 3,5 до 4 млрд. тонн угля остаются без пользы лежать под землей на границах между разными владениями, тогда как он тем временем присоединяет свой голос к хору жалующихся на злокозненность шахтеров, которые, дескать, не добывают больше тонн угля для общества и, к слову, не приносят больше частных налогов ему самому, — все это добавляет изрядную толику юмора в беспросветную серость нашей индустриальной цивилизации, в которой владельцы полезных ископаемых, возможно, и заслуживают какого-то признания, но только не 100000 с лишним фунтов стерлингов в год, которые платятся каждому из четырех ведущих игроков при том, что 6000000 фунтов в год распределяются между всеми остальными жителями страны.

Чудесная алхимия, благодаря которой джентльмен, ни разу в жизни не видевший угольных копей, обращает содержимое этого унылого места в элегантные хоромы в Лондоне и загородный дом, не является монополией владельцев прав на разработку недр. Похожий подвиг ловкости рук совершает владелец городских земельных рент. В сельских районах некоторые (пожалуй, даже многие) землевладельцы ста-

новятся партнерами в рискованном и трудном сельскохозяйственном бизнесе, и хотя они часто могут пользоваться властью, с социальной точки зрения чрезмерной, занимаемое ими положение и получаемый ими доход являются, по крайней мере отчасти, возмещением за те функции, которые они выполняют. Владение городской землей очищено до того, что от сырой руды осталось чистое золото. Это идеальная синекура, ведь единственная предполагаемая им функция состоит в сборе ренты, и в эпоху, когда борьба Либерализма с синекурами шла еще сравнительно недолго, чтобы затронуть некоторые струны памяти, последний и величайший из либеральных мыслителей сделал очевидный вывод. «Причины, составляющие оправдание... собственности на землю, — писал в 1848 году Милль, — имеют вес лишь постольку, поскольку собственник земли ее улучшает... Еще ни одна достойная теория частной собственности не предполагала, что собственник земли должен быть просто расквартированным на ней обладателем синекуры».

Городские земельные ренты и выплаты за право разработки недр, как предположил в свои грешные дни премьер-министр, являются по существу дела налогом, который некоторым лицам по закону позволено брать с трудолюбия других. Они отличаются от государственного налогообложения только тем, что их сумма возрастает не пропорционально потребности нации в государственных доходах, а пропорционально ее потребности в угле и пространстве, с которой они взимаются, что их рост служит частной, а не общественной выгоде и что в случае, когда вырученная сумма тратится на легкомысленное расточительство, никто не имеет права жаловаться, так как порядок, по которому лорд Смитсон расходует произведенное мистером Брауном богатство на предметы, которые никому из них не приносят никакого блага, является частью системы, которую, под именем частной собственности как лорда Смитсона, так и мистера Брауна приучили считать необходимой для высшего благосостояния человечества.

Если принять принцип функции, то мы должны будем спросить, какова *задача* этого порядка и ради какой *цели* жители, допустим, Лондона платят 16 миллионов фунтов в год владельцам своей земли. И если окажется, что никакой цели и задачи здесь нет, а эти вещи сродни подковам и подковным гвоздям, которые город Лондон дарит Короне в счет земли в приходе св. Клементя Датского, мы не станем сурово обращаться с этим причудливым историческим пережитком, но

и не будем позволять ему отвлечь нас от настоящего, словно в прошлом была история, а теперь ее уже нет. Мы перекроем эти каналы, через которые утекает богатство, забрав обратно собственность на недра и городскую землю, как это уже сделали некоторые сообщества в Британских доминионах и континентальной Европе. Мы обеспечим, чтобы такие большие скопления богатства, какие еще остаются, переходили в другие руки по крайней мере раз в поколение, повысив наши налоги на наследование до такого предела, чтобы переходящее в собственность наследника немногим превышало в размерах его личное имущество и чтобы он не наследовал право взимать дань с индустрии, которое, хотя и ограничиваемое налогом на наследство, сын богатого человека сегодня наследует. Короче говоря, мы поступим с владельцами недр и отсутствующими землевладельцами так, как Платон поступил бы с поэтами, на которых, с их способностью делать что-то из ничего и околдовывать людей словами, они немного похожи: мы возложим им на головы венки из цветов и вежливо выпроводим из нашего Государства.

Перевод В.Г. Николаева

Ю. ХАБЕРМАС

ТЕОРИЯ КОММУНИКАТИВНОГО ДЕЙСТВИЯ

(предисловия к 1 и 3 изданиям)

Предисловие к первому изданию*

Немногим более десяти лет назад, в предисловии к «Логике социальных наук», я пообещал разработать теорию коммуникативного действия. Тем временем, методологический интерес, который я первоначально связывал с «лингвотеоретическим основанием социальных наук», уступил место субстанциальному. Теория коммуникативного действия — это не метатеория, а начало теории общества, которая стремится к тому, чтобы предъявить свою критическую мерку. Я не рассматриваю анализ всеобщих структур ориентированного на согласие действия (*verständigungsorientierten Handelns*) как продолжение теории познания с помощью других средств. Теория действия, разработанная Т. Парсонсом в 1937 году в «Структуре социального действия», с характерной для нее связью историко-теоретической реконструкции и анализа понятий была для меня, несомненно, образцом; но, вместе с тем, она ввела меня в заблуждение из-за своей методологической направленности (*Ausrichtung*). Формирование основных понятий и решение субстанциальных вопросов образуют, вполне в гегелевском духе, нерасторжимую связь.

Первоначальное предположение, что я должен был только разработать прочитанные в Принстонском университете в 1971 году лекции о Кристиане Гауссе, которые я хотел опубликовать по другому поводу, оказалось ошибочным. Чем больше я углублялся в теорию действия, теорию значения, теорию речевых актов и им подобные разделы аналитической философии, тем больше за частностями терялась из виду цель всего предприятия. Чем больше я пытался зани-

* Перевод выполнен по изданию: Jürgen Habermas. *Theorie des kommunikativen Handelns*. Frankfurt am Main. 3. Auflage. 1985. Bd. 1. S. 7-11. — *Прим. переводчика.*